чительный «разброс» связанных единиц, единство которых осознается интуитивно носителями языка, или, наоборот, объединение заведомо несвязанного. Это приводит, как мы видели, к необходимости дополнительной корректировки результатов, полученных на ЭВМ. Известно, что есть и другой путь построения словаря: создание исходного непротиворечивого семантического языка, который можно было бы положить в основу последовательного и строгого толкования слов — единиц будущего тезауруса. Значительный опыт таких построений накоплен, как известно, при разработке модели «Смысл↔Текст» и семантических языков типа lingua mentalis. Погрешностей «на выходе» здесь, по-видимому, было бы значительно меньше, хотя, несомненно, возникало бы больше трудностей в другом отношении — в определении «начальных слов». Отнюдь не умаляя значения того пути построения тезауруса, который предложен автором книги и который предусматривает сравнительно быстрое и эффективное подключение ЭВМ, следует в то же время указать на необходимость и другой актуальной задачи — критики словарных определений в процессе самого лингвистического конструирования.

В исследовании Ю. Н. Караулова дано теоретическое обоснование статуса и смысла дефинитивных предложений. Это бесспорное достоинство книги. Хотелось бы вместе с тем сделать одно необходимое уточнение относительно отмеченных выше «парадоксов дефиниции». Последние возникают потому, что сами определения рассматриваются с точки зрения обычной коммуникативной функции, а не их специфической метаязыковой функции, где могут действовать иные закономерности. Аналогичная картина, только еще более парадоксальная, возникает, если, например, интерпретировать поэтическую речь (эстетическую функцию языка) с позиций обычной коммуникативной функции («практического языка» в старой терминологии). Это приведет к сплошным «парадоксам», разрешимым, однако, в рамках эстетической концепции языка.

Можно указать на отдельные неточности в квалификации языкового материала тезауруса, например в установлении антонимических пар, не выражающих на самом деле точной противоположности (*высокий — небольшой*, *незначительный, ценный — обычный*, *прямой — боковой*, *равный — разный* и др.).

Термин *лингвистическое конструирование* вызывает необходимость иметь в лексикографии соответствующую терминологическую номинацию типа dictionary making, однако предложенное в книге новое слово *словаростроение* кажется не вполне удачным, так как выпадает из продуктивной модели образования сложных слов с интерфиксом *-о-*: основа первого мотивирующего слова должна в этом случае оканчиваться на твердый, а не мягкий согласный (ср. *моторостроение*, но *кораблестроение*). Более оправданным в этом смысле был бы термин *словарестроение*.

В заключение подчеркнем, что новая монография Ю. Н. Караулова вносит существенный вклад в методологию лингвистических исследований и теорию и практику лексикографии и окажет благотворное влияние на их дальнейшее развитие.

*Л. А. Новиков*

**Syntax and semantics. V. 11. Presupposition.**
Ed. by Choon-Kyu Oh, Dinneen D. A. N. Y. — L.: Acad. press, 1979.

Серия «Синтаксис и семантика», первый выпуск которой вышел в свет в 1972 г., — это авторитетное научное издание. Объединенные достаточно общей единой идеей, сборники этой серии обладают каждый своей индивидуальностью, и про каждый том можно с полным основанием сказать, что он посвящен актуальной проблеме. Поэтому том, посвященный пресуппозициям, не только позволяет познакомиться с последними работами по этому вопросу, но и служит непосредственным свидетельством того, что проблема пресуппозиций привлекает внимание широкого круга ученых.

Проблема пресуппозиций, вызвавшая бурное обсуждение в конце 60-х годов в связи со статьей Стросона [1], возникла в логике прежде всего в связи с необходимостью изучения тех аспектов семантики предложения, которые не могут быть представлены как условия его истинности. Одновременно это понятие привлекло лингвистов, которые увидели возможность с его помощью найти подход к описанию наиболее сложных и трудноуловимых аспектов смысла слова и предложения [1]. При том интересе, который вызвало это понятие, не удивительно, что оно вскоре оказалось размытым и охватывающим широкий класс весьма неоднородных явлений. Как писал Р. Гарнер, «речь идет не об одном понятии пресуппозиции, слегка меняющем свое содержание при переходе от одного использующего его лица к другому, а о нескольких радикально различных понятиях, связанных только тем,

[1] Из работ о пресуппозициях на русском языке и (или) на русском материале см., в частности, [4—10].